

Интервью с Дмитрием Александровичем Лушниковым

«ЭТО БЫЛА СУДЬБА, ПРЯЧУЩАЯСЯ ЗА ЦЕПОЧКОЙ СЛУЧАЙНОСТЕЙ»

Лушников Д. А. —

Дмитрий Александрович Лушников — из пока мало представленного в нашей историко-социологической литературе шестого поколения российских социологов. Это те, кто родился в 1971-1982 годах. Старшие из них — только-только перешагнули границу сорокалетия, младшие — в раннем тридцатилетии. Зная, как долго формируется научное поколение, можно утверждать, что данное профессионально-возрастное сообщество находится в процессе становления. Но одно можно сказать определенно — это первое поколение социологов, вошедшее (отчасти — входящее) в нашу науку уже в постсоветское время. Так, Дмитрий в 1991 году лишь поступил на исторический факультет Ставропольского государственного университета.

Лушникову на роду было написано стать историком, и он им стал. Через историю он вошел в социологию, защитил кандидатскую диссертацию по социолого-исторической проблематике (2000 г.), а затем открыл для себя проблему социальной дезорганизации и в 2006 году стал доктором наук.

Нередко докторская работа — подведение итогов сделанного, уверен, что для Лушникова она — мощная предпосылка к исследованиям по уже очерченной им, достаточно широкой, проблематике и по новой, которая будет порождена сегодня не известными нам социально-политическими вызовами.

Интервью с Дмитрием — одно из самых коротких в моей практике, но это никак не следствие его молодости (41 год). Просто он с интересом рассказывает о своем деле, особенно — о новых проектах, но «тухнет» при рассказе о себе. Уверен, вскоре он осознает наличие глубинных связей между личным и профессиональным, пока это у него несколько различные «департаменты».

В целом же я благодарен Дмитрию Лушникову за беседу, она многое открывает нам для понимания мира тех, кому историей предписано делать российскую социологию первой половины XXI века.

Лушников Д. А.: «Это была судьба, прячущаяся за цепочкой случайностей»

Дмитрий, когда я изучал книгу «Социологи России», в которой нашел Вашу краткую биографию, мое внимание привлекло название кафедры, которую Вы возглавляете – «кафедра социологии и теологии». В связи с этим у меня два тесно связанных вопроса. Первый, в Интернете мне встречались в американских университетах кафедры типа «философии и теологии». Здесь я понимаю, философия и теология – две общие системы взглядов на мироустройство. Вы знаете, на Западе философию не относят к науке. Но социология – из другого ряда, она – наука, пусть не совсем в бэконовском смысле, и все же, что объединяет социологию и теологию?

Меня всегда интересовала связь теологии, антропологии, религиоведения и социологии. Большинство классиков социологии посвятили свои работы проблематике религии в становящемся индустриальном обществе Западной Европы. Если обратиться к истории американской социологии, то значительная доля ее родоначальников имела теологическое образование и даже степени, кто-то в молодости думал стать пастором. Связь социологии и теологии носит определенно как объективный, так и некий «мистический» характер, это во многом связано с жизненной позицией и «миссионерски-реформаторским» характером ее основоположников, мечтавших об активной роли социологии в переустройстве общества. История поисков гражданской религии О. Контом тому наиболее яркий пример.

И вот вторая группа вопросов: Какова история возникновения Вашей кафедры? Какие социологические и теологические предметы Вы преподаете? Если Ваша кафедра выпускающая, то какого рода специалистов она готовит?

Свою историю наша кафедра начинает в 1998 году, когда была образована кафедра социологии и социальной работы Северо-Кавказского государственного технического университета. Кафедру возглавил доктор педагогических наук, профессор Шаповалов Валерий Кириллович, благодаря которому и появилась новая специальность.

Преподаватели кафедры участвовали в проекте по подготовке специалистов по «истории и культуре ислама», проведении социологических исследований, нацеленных на выявлении потенциальной и реальной потребности в специалистах подобного профиля в регионах, где проживают мусульмане.

Направление подготовки по специальности «Теология» – «Государственно-конфессиональные отношения», Акцент делается на христианской и, непосредственно, православной теологии, некоторые преподаватели теологических дисциплин являются священнослужителями.

В 2012 году путем разделения кафедры социологии и социальной работы была образована кафедра социологии и теологии Северо-Кавказского федерального университета. Что касается меня, то я не преподаю теологические дисциплины, однако читаю курс «Социология религии» уже относительно много лет.

Вы мне написали, что сейчас Вы передали «теологию» другой кафедре, но до последнего времени какая часть, доля студентов специализировалась по социологии и какая – по теологии? Где работают Ваши выпускники по обоим направлениям? Ведь, насколько я понимаю, университет готовит инженеров.

Северо-Кавказский государственный технический университет в 2012 году был объединен с другими вузами в Северо-Кавказский федеральный университет. У нас еще не было выпуска студентов-теологов. Что же касается студентов-социологов, то они работают практически во всех отраслях региональной экономики и социальной сферы, в исследовательски-аналитических и управленческих структурах, правоохранительных органах. Наша давняя мечта о том, чтобы в регионе сформировался относительно устойчивый спрос на студентов-социологов, начинает постепенно материализовываться.

Есть ли в других университетах Ставрополя кафедры социологического профиля?

Наша кафедра единственная, выпускающая социологов в регионе. Кафедры в других вузах преподают курс общей социологии студентам других специальностей. Как следствие, социологические спецдисциплины преподаем только мы.

Мы еще поговорим о Вашей кафедре и о развитии социологии в регионе. Но сейчас – о Вас. В книге «Социологи России», которая познакомила меня с Вами, сказано, что Вы родились под Ленинградом, в поселке Вещево, Выборгского района. Зная неплохо те края, могу предположить, что Ваши родители – не местные. Вообще, насколько глубоко Вы знаете историю Вашей семьи?

Я родился в семье военнослужащего, половину жизни прожил в военных гарнизонах. Отец – летчик, мама – учительница, типичная советская семья. Историю семьи знаю достаточно хорошо. Отец родом из Курганской области, мама – местная ставропольчанка. Они познакомились, когда отец учился в Ставропольском летном училище.

Отец родом из Курганской области, из «деревни с поэтическим названием» Клоктухино. Жители деревни являются потомками староверов-двоеданов и разделяются всего на несколько фамилий, между которыми устанавливаются матриониальные связи. Занимались сельским хозяйством, все мужчины служили в армии, во время Великой Отечественной войны – в сибирских дивизиях, однако профессиональных военных было немного. Отец, Александр Мелентьевич, поставил перед собой весьма амбициозную в те времена задачу – стать военным летчиком и ему это удалось. Он поступил в Армавирское авиационное училище, закончил уже ставропольское. Во времена курсантской молодости познакомился и женился на моей матери Бровковой Татьяне Андреевне. Мама происходила из с. Северное Ставропольского края, из семьи казаков Хоперского полка, переселившихся на Азово-Моздокскую оборонительную линию. У нее в роду были учителя, что, возможно, предопределило и ее профессиональный выбор. Моя, мама, ее родная сестра и мой дядя закончили исторический факультет Ставропольского государственного педагогического института.

Где и когда Вы пошли в школу? Где Вы учились в старших классах? Что интересовало? О каком профессиональном пути Вы задумывались?

Я пошел в школу в 1980 г. в п. Золотая Долина Приморского края, где проходил службу мой отец, в старших классах учился в г. Севастополе, а школу закончил в месте с «далеко непоэтическим названием» п. Угольные Копи Анадырского района Магаданской области.

Я всегда «жадно» интересовался историей, видно сказались гены со стороны мамы. С другой стороны, я мечтал стать военным, поэтому военная история интересовала меня в первую очередь. В старших классах я думал о поступлении в военное училище, но достаточно абстрактно, не выбрал ни конкретное училище, ни род войск. Наверное, именно поэтому мой путь на исторический факультет был предопределен.

Трудно допустить, что во всех маленьких городках, где Вам пришлось жить в школьные годы, были хорошие библиотеки. Скорее всего, книги, в том числе, по истории, были дома. Так это?

Источники чтения были разнообразны, какие-то книги брались в библиотеке, собиралась домашняя библиотека, книги «ходили по рукам» и у друзей всегда можно было «пожиться» чем-нибудь новым и интересным. Но все-таки основным источником чтения являлись библиотеки.

И в какой университет Вы поступили? И пожалуйста, расскажите о студенческих годах, ведь они, чаще всего, очень яркие, памятные...

В 1991 году мне посчастливилось поступить на исторический факультет Ставропольского государственного педагогического института, позже преобразованного в Ставропольский государственный университет. Исторический факультет в советское время являлся своеобразной кузницей кадров для региональной элиты. Факультет имел яркую историю, мощные профессорско-преподавательские кадры, соответствующий урону контингент обучающихся. Начальные навыки аналитической и научно-исследовательской деятельности сформировались под воздействием преподавателей исторического факультета, о которых вспоминаю с любовью и благодарностью. Учиться было относительно легко, интересно и, главное, весело, так как среди однокурсников было много замечательных и интересных личностей. Годы обучения запомнились, в первую очередь, именно ярким и насыщенным общением в студенческой среде, было много чего, что «можно вспомнить, но детям не рассказывать».

Было бы очень интересно узнать, кто из преподавателей оказывал на Вас наиболее сильное влияние, какие разделы истории Вас наиболее привлекали, какими были Ваши первые аналитические разработки... среди социологов старших поколений много историков по базовому образованию, и Ваша информация расширяла бы наши представления о движении из истории в социологию.

Характерно, что наибольшее впечатление не только на меня, но и на моих сокурсников оказали преподаватели медиевисты. Большое впечатление оставила Валентина Павловна Невская, крупнейший советский медиевист-византолог. Навыки и умения аналитической работы с первоисточниками заложила Ирина Александровна Краснова, читавшая курс истории Средних веков. Интерес к социальной и культурной антропологии формировался под влиянием Дурова Анатолия Андреевича.

Меня привлекали практически все разделы истории, но особый интерес я питал к истории Древнего мира, Нового и Новейшего времени. Всегда выделял военный, военно-политический, социально-экономический и социоструктурные аспекты и их взаимосвязь, это была излюбленная проблематика в студенческое время. Первый опыт анализа исторического материала я получил в рамках курса «История Древнего мира», выполняя работу по образу дворца правителя микенской эпохи в «Илиаде» и «Одиссее» Гомера. На старших курсах я занимался дипломатической и военной историей открытия «второго фронта» в Европе.

Увлечение историей предопределило мой интерес к социологии социальных изменений, социальной антропологии, социологической теории.

Вы пошли в школу в 1980 году, таким образом, скорее всего, в комсомоле Вы не состояли или я ошибаюсь? Но будучи школьником, студентом Вы каким-то образом участвовали в общественной жизни?

Я прошел практически все стадии социализации в советской системе, был октябренок, пионером и комсомольцем. Будучи школьником, участвовал в общественной деятельности, был председателем Зала боевой славы в севастопольской школе. В институте один год был заместителем секретаря комитета комсомола по организационной работе, а также руководителем профсоюзной ячейки факультета. Однако я не рассматриваю себя как человека, способного к серьезной общественной работе, все-таки планида не та, куда ближе существующая погруженность в научно-исследовательскую и преподавательскую деятельность, да и организационная работа в качестве заведующего кафедрой отнимает достаточно много времени.

Я спросил про комсомол, поскольку пытаюсь понять, какие импульсы, события вели Вас в социологию; дело в том, что многие наши ведущие социологи старших поколений пришли в социологию, пройдя через комсомольско-партийную работу. Такова реальность того времени, Ваше поколение уже этого не застало. Но могу я Вас, Дмитрий, просить проинтерпретировать Ваши слова: «Увлечение историей предопределило мой интерес к социологии...»? Почему это именно с Вами произошло? Замечу: социальные изменения – стержневая тема исторической науки.

Случайность проявила некую закономерность. После окончания университета я работал ассистентом в первом частном вузе Ставрополя на кафедре истории и прочитал свой первый учебник социологии из интереса – это был учебник Н. Смелзера. Таким образом я убедился, что именно этого материала мне не хватало для понимания особенностей исторического процесса, как на уровне мегатрендов, так и анализа повседневности. Случайно узнал, что в Северо-Кавказском государственном техническом университете есть кафедра социологии и там есть место ассистента. Так я и «попал в социологию» окончательно, позже поняв, что это была судьба, прячущаяся за цепочкой случайностей.

Увлечение историей предопределило относительную легкость погружения в социологию. Пожалуй наиболее ярким звеном перехода от истории к социологии послужили работы представителей школы «Анналов» Ф. Броделя и Ж. Ле Гоффа.

Да, согласен... вот – его величество случай, подготовленный чем-то... именно «Случайность проявила некую закономерность». Вам повезло, что первым оказался

именно Смелзер...он пишет без тумана.

Пожалуйста, завершим линию с получением образования. В каком году Вы закончили университет и какой теме было посвящено Ваше исследование?

Я закончил университет в 1996 году. Тема дипломного исследования – «Дипломатическая и военная история открытия «второго фронта» была выбрана мной самостоятельно, так как эта проблема была актуальна для исторической науки, муссировалась в публицистике и, опять же, была на стыке с военной историей, которой я всегда интересовался. Разбирая хронологию и нюансы военно-политических стратегий, операций и дипломатических игр, мне удалось составить собственное представление о причинах задержки открытия «второго фронта» союзниками в Европе. До этого я писал курсовую работу по Нормандской десантной операции, что «испортило» просмотр мною голливудского фильма «Спасение рядового Райана». Увлечение военной стратегией предопределило мой интерес к социально-политическим стратегиям властных элит и политтехнологиям.

Чем, как Смелзер достроил Ваше понимание особенностей исторического процесса? Как начиналась Ваша работа на кафедре социологии?

Ознакомление с учебником Н. Смелзера не оказало на меня «эффекта разорвавшейся бомбы», но вызвало острый интерес к социологическим теориям, описывающим мезо- и микроуровень организации общества. В те времена я был поклонником аналитической психологии К.Г. Юнга, интересовался социальной психологией и социобиологией. Макротеории были для меня понятны, я уже на тот момент разбирался в системном подходе и теории объективистов-системщиков воспринимал быстро. Даже штудии теории Т. Парсонса и его некое «аналитическое графоманство» я воспринимал относительно легко.

На кафедре социологии и социальной работы Северо-Кавказского государственного технического университета работалось легко, чему способствовал замечательный коллектив и заведующий – Валерий Кириллович Шаповалов. Начал с чтения курса «Социология» для студентов несоциологических специальностей, что позволило вникнуть в науку, систематизировать основные идеи, представления, научный тезаурус. Далее читал курсы «Социология религии» и «Социальная антропология», объект-предметная область которых мне была близка, понятна и интересна.

Пожалуйста, расскажите обстоятельнее о Валерии Кирилловиче Шаповалове, я не знаком с его исследованиями.

Основал первую «выпускающую» кафедру социологии в регионе д. пед. наук Шаповалов Валерий Кириллович. Открытие специальности «Социология» впервые в регионе, да еще и в техническом вузе было смелым поступком. Валерий Кириллович хоть и является доктором педагогических наук, еще с 1980-х годов занимался социологическими исследованиями, давно «прикипел душой» к социологии. Круг его исследований разнообразен и включает социологию образования, в частности, исследование его этнокультурной направленности, социологию карьеры, социологию социальной работы и мн. др.

Наверное, вскоре после начала работы в области социологии Вы решили и кандидатскую диссертацию делать по социологии? Или по истории? Или на стыке?

Начав работать в системе высшего образования, я понял, что это мое, я способен на этот вид деятельности, мне нравится интеллектуальное творчество и относительная свобода самовыражения. С историей как направлением профессиональной деятельности было покончено, я полностью переключился на занятия социологией. Понимая, что без остепененности в нашей системе «не выживешь» и мой холостой статус и отсутствие детей — относительные явления, я погрузился в работу над кандидатской диссертацией. Была выбрана тема «Социальная дезорганизация и обыденное религиозное сознание в современном российском обществе», которая лежала на стыке между социологией и социальной антропологией, к которой я с самого начала питал слабость.

Как строилась концепция исследования? Это была теоретическая работа или проводился сбор и анализ эмпирических данных? Что удалось доказать, какими были основные выводы?

Конечно, меня в первую очередь увлекла теория, эмпирика, представленная во второй главе, была для меня одной из первой и наивной «пробой пера». Объектом исследования являлось воздействие процесса социальной организации на обыденное религиозное сознание в современном обществе. Однако для этого я осуществил экскурс (в духе эволюционистского редукционизма, маскирующегося под структурализм) к истокам религиозности — к мифологическому сознанию примитивного социума, пытаюсь обнаружить базовые архетипические механизмы взаимовлияния социальной дезорганизации и религиозного сознания. Основные выводы были вполне очевидны: социальная дезорганизация в обществе детерминирует дезорганизацию обыденного религиозного сознания; эволюция обыденного религиозного сознания от мифологического сознания примитивного общества до обыденного религиозного сознания в современном индустриальном/постиндустриальном обществе, в общих чертах тождественна воздействию социальной дезорганизации на обыденное религиозное сознание некогда устойчивого и стабильного общества и др. Таким образом, посредством моих интеллектуальных потуг «онтогенез повторил филогенез» в очередной раз.

В каком году Вы защитили кандидатскую? Очень крутой переход: от истории открытия «второго фронта» до таких социорелигиозных сюжетов. Действительно, Вас эта тема завлекла... сразу начали думать о докторском исследовании по проблематике религиозности или по социальной дезорганизации?

Кандидатскую диссертацию я защитил в 2000 г., работал над ней достаточно быстро, так как с основной научной литературой по проблематике был знаком до этого — сказался интерес к смычке юнгианской аналитической психологии, антропологии и религиоведения. Это был для меня своеобразный личный путь поиска сакрального. Что же касается интереса к явлению и процессу дезорганизации, то это скорее было продиктовано хорошо известным принципом выбора проблематики «у кого что болит...» и являлось следствием моей личной неустроенности, а также восприятия происходившего в стране.

Через некоторое время после защиты кандидатской диссертации я начал задумываться о докторской. Осознание необходимости следующего шага было продиктовано не столько личным тщеславием, сколько пониманием того, что без этой степени придется и дальше считать копейки и мучиться неуверенностью в завтрашнем дне.

Меня больше интересовала дезорганизация, нежели социология религии, поскольку в моем восприятии это был масштабный «настоящий социологический» объект исследования, бросающий вызов мне как социологу-теоретику. Это был ответ на определенный вызов в духе «а не замахнуться ли нам на Вильяма, нашего Шекспира».

Верно ли я понимаю, Дмитрий, что в описываемый Вами период Вы были своеобразным «отшельником»? С профессиональными социологами Москвы, Петербурга не были знакомы, до всего доходили самостоятельно?

Да, безусловно, это было некое «отшельничество», однако нельзя назвать его абсолютным. Большим подспорьем для саморазвития и профессионального роста явились курсы в Центре социологического образования Института социологии РАН по теоретической социологии, возглавляемые тогда И. Ф. Девятко, кои я имел счастье посетить. И. Ф. Девятко произвела сильное впечатление, я жадно впитывал особенности ее социологического мышления и культуры, логику работы с теоретическими конструкциями. Мимолетно на конгрессах и конференциях знакомился и с другими великими, но их отношение к провинциальным социологам было снисходительным и на близкий контакт никто из них не шел. Я понял, что не стоит рассчитывать на «звезд».

Как обстояло (и как сейчас обстоит) дело с социологической литературой? В какой мере она доступна Вам?

С литературой никаких проблем я особенно не видел и не вижу, «стремящийся, да обрящет». Пополняю собственную библиотеку, но, в основном, нахожу источники в Интернете. Когда начинал свою профессиональную деятельность в качестве преподавателя социологии в конце 1990 -х, начале 2000-х годов, действительно испытывал «книжный голод», но со временем Интернет, как и Кольт всех уравнил.

Но самый «равный» это тот, кто с Кольтом... Некоторым из Ваших ровесников, не только москвичам, повезло в том плане, что они обучались на краткосрочных курсах или по развернутым программам в Англии, США, Финляндии.. Вы не пробовали искать такие варианты?

На зарубежных курсах я не был и, честно говоря, попасть на них, даже в начале научной карьеры, слишком рьяно не стремился. Сказывались проблемы в знании и использовании английского языка, занятость и пр. Не хватало информации о зарубежных стажировках и курсах, но это, наверное, не может быть оправданием, кто ищет, тот всегда найдет. Также не было важного для русского человека внешнего стимула в виде «пинка» со стороны руководства. Хотя, надо признаться, что заведующий кафедрой Шаповалов Валерий Кириллович постоянно меня «сверлил» необходимостью подучить английский и покинуть территорию Богом хранимого Отечества с целью обучения иностранным премудростям. Но, как говорят французские социологи — c'est la vie.

В хронологическом отношении мы дошли до момента, когда Вы подумали «а не замахнуться ли нам на Вильяма, нашего Шекспира». Как бы Вы сегодня реконструировали процесс Вашего осознания «дезорганизации» как темы своего исследования?

Так как я увлекался проблематикой экологических кризисов, был знаком с трудами Медоуза, Форрестера, прочих представителей Римского клуба, историков, занимавшихся кризисами тех или иных цивилизаций, еще в первой половине 2000-х годов, я понимал неизбежность кризиса современной модели капитализма и постиндустриального общества, всей «Мир-системы» по И. Валлерстайну. Деорганизацию я рассматривал как системное явление от макро- до микроуровня социальной реальности. Поняв, что не испытаю проблем с ее исследованием и описанием как макросистемного явления и процесса, мне захотелось, в частности, детализировать ее универсальные механизмы, чему и была посвящена докторская диссертация. Помимо этого, мне хотелось описать социальную дезорганизацию на микросоциологическом уровне, редуцируя ее до уровня социальных ритуалов и интерактивного взаимодействия.

В качестве методологического основания концепции исследования был выбран системный подход, как наиболее общий по отношению ко всем объективистским подходам, в большинстве своем комплементарным системному. В частности был детализирован системно-процессуальный подход, основанный на «процессуальном образе» объекта, развивающийся от идей А. Уайтхеда до работ П. Штомпки, М. Арчер и Н. Лумана и представляющий объект исследования в качестве системы, состоящей из комплекса процессов.

Не могу сказать, что стремился с кем-либо обсуждать концепцию исследования, так как относился к работе как к ребенку, которого нежелательно показывать всем раньше сорока дней. Безусловно, отдельные моменты обсуждал с друзьями по профессии, социологами, философами и даже биологами. Послал свою монографию И. Ф. Девятко, она ответила в положительном ключе, это меня воодушевило. Ее благосклонность добавила мне немного самомнения и много научной дерзости, «Вильям наш Шекспир» был обречен на постановку в моем самодеятельном театре.

Из отечественных авторов, так или иначе занимающихся социальной дезорганизацией, наибольшее впечатление на меня произвели работы А. С. Ахиезера, И. И. и А. И. Пригожих, А. П. Назаретяна и В. В. Васильковой. Работая еще над кандидатской диссертацией, я увидел, что социологических работ по социальной дезорганизации в России на тот момент было достаточно мало и большинство из них находилось в концептуальных рамках популярного тогда синергетического подхода. Исключение составлял, несомненно, А. С. Ахиезер, использовавший социокультурный подход и тонко «чувствующий» дезорганизацию во всей ее полноте и изменчивости. Особенностью первой главы докторской диссертации был экскурс в область тектологии, общей теории систем, кибернетики, синергетики, теории социальной энтропии, теории информации и т. п. с переходом к анализу социальной дезорганизации собственно в классической и современной социологии. Причем приходилось не столько с кем-то из классиков и современников полемизировать, сколько в большинстве своем «сочинять за них», поскольку далеко не все социологи интересовались данным явлением.

Общая канва была несколько фантазийной, в духе — а что является социальной дезорганизацией с позиции теории А. и в чем дезорганизация с позиции теории В. отличается от ее понимания А.?

Ваша работа носила сугубо теоретический характер или Вы проводили какие-либо прикладные исследования? В какой мере Вашими разработками, выводами интересуется руководство региона, политические и бизнес структуры?

Последняя глава диссертации была эмпирическая. Я детализировал и систематизировал явления депривации, неудовлетворенности и социального недовольства в качестве основных критериев социальной дезорганизации, разработал аналитическую таблицу выявления «депривационного комплекса», связывающую тип депривации, дуальные ментально-поведенческие аспекты ее проявления и индикаторы, позволяющие произвести операционализацию, исходя из того или иного объекта исследования дезорганизационных явлений и процессов. Далее я верифицировал аналитическую конструкцию на двух объектах: 1) макродетерминированная социальная дезорганизация на мезоуровне социальной организации (отношение льготников к прошедшей реформе по «монетизации льгот», количественное исследование); 2) макродетерминированная социальная дезорганизация на микроуровне социальной организации (факторы неудовлетворенности браком, приведшие к разводу в интерпретации женщин в неполных семьях, качественное исследование).

Интересуются не столько разработками, сколько мнением о тех или иных проблемах.

Когда Вы завершили свое докторское исследование? Я слышал, что сейчас есть трудности с выходом на защиту в связи с необходимостью наличия публикаций в журналах из ВАКовского списка и дороговизной публикации книг. Вы столкнулись с этим? Где состоялась защита?

Диссертационную работу я закончил осенью 2005 г., а в июне 2006 г. состоялась защита в диссертационном совете при моем вузе, тогда Северо-Кавказском государственном техническом университете. Когда я защищался требовалось всего три ВАКовских публикации, так что мне повезло, в отличие от сегодняшних докторантов. Монографию опубликовал в издательстве университета бесплатно. Сейчас докторантам конечно же тяжелее в плане публикаций и их оплаты.

Нет ли у Вас желания собственно исследовательскую деятельность совмещать с политико-консультативной? Ведь рекомендации специалиста по вопросам социальной дезорганизации могут быть полезны при обосновании различного рода социально-экономических и прочих программ развития региона?

Желание есть, собственно я этим иногда и занимался (выборы, деятельность в качестве эксперта). Мне всегда хотелось сделать из социологии некое оружие, инструмент социальных изменений, согласуюсь с максимой Маркса «...не только объяснять, но и менять». Нисхождение социологии от контовской «царицы социально-гуманитарных наук» до роли социолога, как специалиста по опросам населения, казалась мне отказом от первородства.

Поэтому из теории социальной дезорганизации я перешагнул к проблематике технологий манипуляции массовым сознанием, информационных войн и т.п., что нашло отражение в хорошо известной экспертам в данной области книге «Технологии цветных революций».

Пожалуйста, пароли, явки... Дмитрий, расскажите об этой работе: когда и где книга вышла, события каких стран Вы анализируете, каковы общие выводы?

Книга вышла в 2010 г., в Москве в ИНФРА–Мовском издательстве РИОР и переиздано в 2014 г. там же. Материал был собран и обобщен до событий «арабской весны» и второго Майдана, но своей актуальности книга совершенно не потеряла, хотя затрагивала события в Сербии, Грузии, Киргизии, Тайланде, Молдавии и Украине первого Майдана. Я написал ее вместе с коллегой и другом социологом Гапичем Александром, который является специалистом по социальным сетям, новым медиа и эмпирическим исследованиям. Книга была не только результатом обобщения применяющихся технологий, но и нашего конструирования новых и установления системных связей между существующими. Мы ввели даже новые термины «эверсор» происходящий от латинского *eversor* – (разрушитель, сокрушитель), в латыни «*eversio*» обозначает также политический переворот и «эверсионные технологии», коим интерпретировали данный вид деятельности, не получивший пока профессиональной квалификации.

Книга включает следующие разделы: основные характеристики «цветных революций»; оценка возможностей осуществления цветной революции: исследовательская составляющая; сценарии цветных революций; подготовительная стадия цветных революций; ответы на использование властью административного ресурса; раскрутка «революции»: технологии управления массами; политическое рейдерство; социальные сети в цветных революциях; блоги: дополнительные преимущества в раскрутке цветной революции; эверсионные мобберные технологии; возможности форумов для обеспечения эверсионной деятельности; эверсионные технологии мобильной связи; эверсионные технологии распространения и управления слухами; эверсионные директ-технологии.

Не побоюсь этого слова, наша книга является, наверное, единственной подобной работой в мировой социологии и политологии. Есть издания, посвященные частным аспектам данных технологий, известные работы Джина Шарпа по ненасильственным технологиям политического протеста – «библия» цветных революционеров-эверсоров, исследования «умной толпы» Говарда Рейнгольда и т.д. Мы же пытались все эти аспекты свести воедино, пытаясь «до конструировать» некоторые социально-политические технологии, стараясь понять логику и направление мысли организаторов, провести общую последовательную линию от подготовки до реализации сценария. Еще в 2009 году, когда писалась книга, я выдвинул очевидную гипотезу о том, что социальные изменения, порожденные мировым экономическим кризисом, актуализацией военно-политического аспекта международных отношений приведут к возникновению симбиотического типа социально-политических «ненасильственных» технологий гражданского неповиновения и военной стратегии и тактики: теории и практики «неправильных (иррегулярных) войн» Фридриха фон Хейдта; «малых войн» А. Дробова; «мятежных войн» Е. Э. Месснера; «неконвенциональных войн» Мартина ван Кревельда; стратегии и тактики партизанской, диверсионной и террористи-

ческой войны, городской герилы. Все это породило новые технологии информационных войн в периоды вооруженных конфликтов, что мы вскорости могли наблюдать по событиям в Ливии и Сирии.

Какой самый общий вывод следует сформулировать — этим надо серьезнейшим образом заниматься именно социологам, не ограничиваясь уже набившей оскомину проблематикой «информационных войн» и геополитической конспирологией «управляемого хаоса» (очень сомнительным со строго научной точки зрения теоретизированием Стивена Манна). Нужны лаборатории и ситуационные центры, которые по аналогии с оборонными НИИ и конструкторскими бюро будут изучать оружие противника и ковать свое.

Я так понимаю, что раз мы говорим о технологиях, то их где-то и кто-то создает, в России этой силой чаще всего признается Америка. Это ли показало Ваше исследование? В какой мере «цветная революция» детерминируется внутренними обстоятельствами (политика, экономика... внутри страны) и внешними? Можем ли мы — пусть с большими оговорками — считать Революцию 1917 года разновидностью «цветной» — «красной»?

«Цветные революции» детерминированы в основном внутренними факторами, внутренняя нестабильность порождает внешнюю слабость, зависимость от внешних сил — один из основных факторов, но и она лишь следствие внутренней слабости политического режима и общества. Представление о том, что «злые американцы» могут развязать цветную революцию, где захотят, не соответствует действительности. Безусловно, лидеры в данных технологиях американцы, но лидеры в soft power, плюс им помогает их главенствующая роль в существующей Мир-системе. В отношении hard power латиноамериканские, африканские и ближневосточные режимы еще американцам «форы дадут». Компрадорская по характеру элита уже, будучи расколота, быстро раскалывается в процессе внешнего влияния, тайно договаривается, перекупается, перебегает и «цветные революции» представляют собой элитные перевороты, которые осуществляются на волне стихийного (как в Тунисе) или организованного (второй Майдан) относительно массового, но, так или иначе, совершенно объективного народного протеста возникшего в столице или на периферии (ливийская Киренаика).

Любая «великая» или «классическая» революция являет стадию собственно переворота, то есть свержения власти. Но в случае именно революции, а не «цветной революции» элитным переворотом все не ограничивается. Представители части «старой» элиты и контрэлиты сносят существующий режим, как в цветной революции, но в случае классической революции к власти приходят представители общества, относящиеся к слоям, располагающимся в социальной структуре ниже контрэлиты и Мирабо с Дантоном, князь Львов и Милюков вынуждены уступить место Робеспьеру и Ленину.

Вообще данные дифференциации связаны в науке с дискурсом о разнице между государственным переворотом и революцией, начавшимся с деления Марксом и Энгельсом революций на политические и социальные и «упершимся» в феномен «бархатных революций» в Восточной Европе, а потом уже в феномен «цветных революций».

Очень похоже, что при разработке «цветных революций» Вы оказались внутри своих прежних научных и донаучных интересов: история воин, религия,

дезорганизация. Так это? Что планируете на ближайшие годы? Или на ближайшие годы и тема «цветных революций» не потеряет своей актуальности?

Конечно, именно мои интересы позволили мне взяться за эту работу, понимать и «чувствовать» материал.

Я «плохой отец» своих произведений, я их делаю, а потом бросаю и переключаюсь на другую тематику. Не могу долго «нянчиться» с одной работой или темой, начинаю охладевать и терять интерес. Поэтому отправляю своих «детешек» в самостоятельное плавание, но общую канву исследовательского интереса не теряю. Безусловно, проблематика «цветных революций» и дезорганизационных политических технологий не только не теряет своей актуальности, а наоборот актуализируется. Но не исключено, что в научно-исследовательском плане я ее отставлю на некоторое время. Планирую более масштабный и интересный, на мой взгляд, проект книги, тематика которой будет находиться на стыке социологии знания, социальной антропологии, семиотики, психологии, биологии и религиоведения. С генерацией идей научных произведений у меня проблем не возникает, но есть огромная проблема свободного времени для творчества, характерная для постсоветской профессуры.